

Жители этого квартала в большинстве своем были знакомы друг с другом, постоянно ходили в гости, угощались соседскими обедами и болтали — жизнь здесь кипела. Сюй Яньчжи, миновав несколько поворотов, остановился у края улицы. Там стояла небольшая лавка, а у входа сидели трое мальчишек.

— Опять повторная карточка! — Шэнь Тинбай в сердцах топнул ногой.

— У меня тоже повторная, — отозвался Чу Тяньюань, сидевший рядом с таким видом, будто мир рухнул.

— Хе-хе, та-да! Смотрите, какая у меня! — Линь Цяо с торжествующим видом продемонстрировал свою находку.

Шэнь Тинбай и Чу Тяньюань в один голос выдохнули:

— Сун Цзян!

— Почему! Почему! Ну почему мне никак не попадетсЯ Сун Цзян! — Шэнь Тинбай был в отчаянии. Он уже два месяца каждый вечер покупал по две пачки лапши быстрого приготовления.

Чу Тяньюань понуро добавил:

— Мне не хватает Сун Цзяна и Линь Чуна.

— Цяо-Цяо, хороший мой, давай поменяемся? — Шэнь Тинбай сложил ладони в умоляющем жесте.

— Мечтай! Сун Цзян — это редкость, нет! Любую другую — пожалуйста, а эту — нет!

Переговоры явно зашли в тупик.

В этот момент подошел Сюй Яньчжи. Заметив его, Шэнь Тинбай мгновенно забыл о своей печали по поводу карточки и просиял:

— Маленькая Ласточка пришла!

Сюй Яньчжи сел рядом и спросил:

— Что случилось?

— Не могу вытянуть Сун Цзяна, — только что воспрявший духом Шэнь Тинбай снова сник.

Сюй Яньчжи недоуменно посмотрел на них, и Линь Цяо вкратце объяснил ситуацию.

— Понятно. Погоди немного, — сказал Сюй Яньчжи и шагнул в лавку.

Вскоре он вышел, неся в руках целую коробку лапши.

Троица у входа замерла:

— Ты что делаешь?

Сюй Яньчжи, не отвечая, начал вскрывать пачки.

Он открыл первую — все трое ахнули: Сун Цзян.

Открыл вторую — снова Сун Цзян.

Шэнь Тинбай, привалившись к плечу Сюй Яньчжи, расхохотался:

— Цяо-Цяо, смотри, у меня теперь две карточки с Сун Цзяном!

Он показал Сюй Яньчжи большой палец, вытащил одну карточку и отдал её Чу Тяньюаню, а вторую вложил в ладонь Сюй Яньчжи. Затем, набравшись смелости, он подхватил коробку и снова вошел в лавку.

— Дяденька продавец! А можно это вернуть?

— Нет-нет, как же так? Раз уж продано, обратно не принимаем!

— Дяденька, умоляю! Если я принесу столько домой, мама меня отругает!

Детское нытье подействовало на владельца лавки — он заколебался. Шэнь Тинбай, не теряя времени, продолжал жалобно канючить, пока наконец не добился своего и не вернул деньги.

Довольный собой, он вышел, сунул монеты в карман брюк Сюй Яньчжи и скомандовал:

— Пошли, поужинаешь у меня.

Наступило время ужина. Сюй Яньчжи отправился домой к Шэнь Тинбаю — их дома стояли совсем рядом.

— Мам, я пришел! — крикнул Шэнь Тинбай, входя.

— Подожди минуту, еще пара блюд готова будет. Иди мой руки, — донеслось из кухни, где хлопотала госпожа Бай Ланьсинь.

— Сын! Твой красавец-отец вернулся! — Шэнь Шаньхэ только что пришел с работы в испачканной спецовке.

— Пап! — Шэнь Тинбай вышел из ванной, а следом за ним — Сюй Яньчжи.

Сюй Яньчжи вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, дядя Шэнь.

— О, А-Янь тоже пришел! — Шэнь Шаньхэ улыбнулся и крикнул на кухню: — Жена, приготовь что-нибудь неострое! А-Янь пришел.

— А-Янь, здравствуй, — Бай Ланьсинь высунула голову из кухни. — Я сегодня приготовила суп из кукурузы со свиными ребрышками, обязательно поешь как следует.

— Спасибо, тетя Бай.

Сюй Яньчжи бывал здесь не впервые. Каждый раз, когда Шэнь Тинбай встречал его на улице, он непременно тащил его к себе. Ему казалось, что этот мальчик ужасно одинок и совсем не любит разговаривать, а раз его отец — мастер поболтать, то дома всегда шумно и весело, глядишь, и А-Янь начнет больше говорить.

Вскоре ужин был готов. Два мясных блюда, одно овощное и суп. Суп был неострым, а вот жареная рыба и мясо с зеленым перцем — острыми. Напоследок Бай Ланьсинь приготовила своё фирменное блюдо — яичницу с помидорами.

Четверо уселись за квадратный стол. Шэнь Тинбай указал на мясо с перцем:

— Мам, пересолила.

Бай Ланьсинь попробовала и признала:

— Ой, и правда, извини.

— Эй, сорванец, как мамина еда может быть пересоленной! — Шэнь Шаньхэ отправил кусок мяса в рот и тут же обратился к жене: — Жена, очень вкусно! Дай-ка воды, жена!

Бай Ланьсинь со смехом налила ему воды:

— Болтун.

— Ничего, в следующий раз я сам буду готовить, как приду с работы. Шэнь Тинбай от голода не помрет, если поест чуть позже, не перетруждайся так, дорогая.

Шэнь Шаньхэ искренне обожал свою жену. Как он сам говорил, всю свою удачу в жизни он потратил на то, чтобы завоевать её сердце.

— А-Янь, ешь побольше. Ты не очень любишь острое, так что налегай на эти два блюда, — Бай Ланьсинь переставила тарелки так, чтобы неострая еда оказалась прямо перед Сюй Яньчжи.

— Спасибо, тетя.

Сюй Яньчжи ел очень аккуратно, маленькими кусочками, тщательно пережевывая, и не проронил ни слова.

После ужина Бай Ланьсинь выгнала мальчишек, рвавшихся помогать с посудой, играть на улицу. Шэнь Тинбай усадил Сюй Яньчжи у порога, и они принялись разгадывать загадки в книжке про приключения маленьких тигров.

Чу Тяньюань, доев, прибежал к ним:

— Что делаете?

Шэнь Тинбай, не отрываясь от дела, прошептал:

— Тсс, мы разгадываем шифр.

— Дай посмотреть, — Чу Тяньюань сунул нос в книжку, но получил шлепок от Шэнь Тинбая.

— Ты чего! — Чу Тяньюань схватился за голову.

— Ты мешаешь Ласточке! — Шэнь Тинбай подвинул книгу.

— Сдвинь немного влево, — попросил Сюй Яньчжи, и Шэнь Тинбай послушно исполнил

просьбу.

— И правда! Ласточка, ты такой умный! — Шэнь Тинбай в восторге хлопнул Сюй Яньчжи по плечу, да так сильно, что тот свалился на землю. Сюй Яньчжи ничуть не рассердился, просто отряхнул пыль и встал.

— Бай, я хочу позвонить домой. Тетя Лю, наверное, ждет меня к ужину.

— А мама с папой дома? Только тетя Лю? — Шэнь Тинбай уже догадывался, что взрослые в доме этого мальчика часто отсутствуют.

— Да, — Сюй Яньчжи кивнул, его лицо оставалось спокойным, словно его это совсем не печалило.

— Тогда оставайся ночевать у нас, — предложил Шэнь Тинбай, которому стало жаль друга.

Сюй Яньчжи замялся.

В этот момент вышел Шэнь Шаньхэ, принявший душ: в белой майке, цветастых шортах и сланцах.

— А-Янь, оставайся, конечно. А ты, Юань, иди домой, вы с Тинбаем вечно деретесь, тете Бай спать не даете.

Шэнь Шаньхэ, умытый и чистый, выглядел довольно статно: резкие черты лица, волевой взгляд, но улыбка была открытой и добродушной. Шэнь Тинбай пошел в мать — мягкие черты лица, вечно улыбающиеся глаза, но смеялся он так же заливисто, как отец.

— Я и не собирался с ним спать, он во сне дерется, — фыркнул Чу Тяньюань и ушел.

— Хорошо, — Сюй Яньчжи больше не стал отказываться и позвонил домой, чтобы предупредить.

— Иди, А-Янь. Это одежда Тинбая, тебе как раз будет. Иди помойся, а потом — спать наверх, — ласково сказала Бай Ланьсинь. — Тинбай, проводи его в ванную.

— Идем, — Шэнь Тинбай шагнул впереди, Сюй Яньчжи послушно следовал за ним.

Когда Сюй Яньчжи зашел в ванную, Шэнь Тинбай заметил, что тот стоит с одеждой в руках и не двигается.

— Ты чего? — удивился он.

Сюй Яньчжи тихо спросил:

— ...Ты не выйдешь?

— Ой, ты чего стесняешься, как девчонка! — Шэнь Тинбай захлопнул дверь.

После душа, пожелав родителям Шэнь Тинбая спокойной ночи, мальчики поднялись наверх. В комнате горела лампа, они сидели на подоконнике и смотрели на звезды. Вентилятор гудел, за окном стрекотали цикады.

Шэнь Тинбай указал в небо:

— Смотри, кроме звезд и луны, что еще есть в небе?

Сюй Яньчжи посмотрел в черную высь и ответил:

— Небо.

Шэнь Тинбай хлопнул себя по лбу:

— Глупыш, солнце!

Сюй Яньчжи серьезно возразил:

— Сейчас ночь, солнца нет.

— Есть! Папа говорит, что солнце всегда там, просто ночью оно хочет спать и прячется за облака, поэтому мы его не видим. Как только мы проснемся, солнце тоже проснется и начнет светить.

— Вот оно что, — Сюй Яньчжи серьезно кивнул.

— Какой же ты бестолковый, спи давай, — Шэнь Тинбай зевнул и полез в кровать.

Сюй Яньчжи убавил скорость вентилятора, чтобы дуло в ноги другу, натянул на него одеяло и лег с краю.

— Спокойной ночи.

На следующее утро Сюй Яньчжи проснулся от жары. Шэнь Тинбай раскинулся на нем, одеяло давно сбросил на пол. Он осторожно убрал руки и ноги друга, укрыл его и тихонько встал, чтобы спуститься вниз и умыться.

Шэнь Шаньхэ уже ушел на работу. Будучи начальником цеха, он мог бы приходить позже, но обладал невероятным чувством ответственности: «Начальник должен подавать пример, как я могу лениться?»

Внизу Сюй Яньчжи встретил Бай Ланьсинь, которая только что принесла завтрак. Она позвала его:

— А-Янь, ты так рано встал? Иди пей соевое молоко.

Сюй Яньчжи сел за стол и принялся медленно завтракать. Бай Ланьсинь смотрела на него с любовью и жалостью. Он был слишком рассудительным для семилетнего ребенка. В этом возрасте дети должны шуметь и проказничать, чтобы родители могли направлять их. Но Сюй Яньчжи словно перескочил этот этап: он не шумел, не хулиганил, а просто тихо рос сам по себе.

Доев, Сюй Яньчжи сказал:

— Тетя Бай, спасибо. У меня скоро урок иностранного, мне пора. Передайте, пожалуйста, Тинбаю.

— Хорошо, я провожу тебя.

У Бай Ланьсинь был свой цветочный магазин, и она могла позволить себе свободный график. Они шли около пятнадцати минут. Сюй Яньчжи всю дорогу молчал, отвечая только тогда, когда она его о чем-то спрашивала.

Через три дня вернулись Сюй Ифэн и Шу Цин. Соседи, семья Цзян Чжофаня, пришли навестить их. Вечером устроили совместный ужин.

Цзян Чжофань улыбнулся:

— Поздравляю, Сюй Ифэн. В вашей семье скоро появится еще один мальчик, такой же послушный, как Яньчжи.

— Чжофань, я вообще-то хотела девочку, — засмеялась Шу Цин.

— Еще бы! Вы с ней недавно покупали детскую одежду, всё сплошь розовое, — добавила Хэ Юнь, мать Цзян Чжи. Она была близка с Шу Цин, почти как родная сестра. Их матери были двоюродными сестрами, и они вместе росли. Когда Хэ Юнь вышла замуж в Нинчэн, она думала, что они больше не увидятся, но через два года Шу Цин тоже переехала сюда, и их семьи поселились рядом.

— Ребенок Шу Цин, мальчик или девочка — мне всё равно, я буду рад любому, — сказал Сюй Ифэн. Казалось, он совсем забыл о присутствии Сюй Яньчжи.

Он продолжил:

— Чжофань, через месяц Яньчжи и Чжи пойдут в первый класс. Школу уже выбрали?

— Да, — ответил Цзян Чжофань. — Частная школа иностранных языков в Нинчэне. Пусть идут вместе?

— Отлично. Они вместе растут, вместе будут учиться, а когда вырастут — вместе женятся, — рассмеялась Шу Цин.

За столом стало шумно, мужчины обсуждали дела, женщины — будущего ребенка и школу. Сюй Яньчжи молча ел, чувствуя грусть. Он думал: если он пойдет в школу иностранных языков, будет ли он часто видаться с Тинбаем?

— О чем задумался? — Цзян Чжи толкнул его локтем.

Сюй Яньчжи покачал головой:

— Ни о чем.

— Здорово, что мы идем вместе! Если я буду с тобой, мама перестанет мне читать нотации, — глаза Цзян Чжи светились от радости.

Сюй Яньчжи промолчал.

После ужина Сюй Ифэн ушел в кабинет работать, а Шу Цин осталась в саду с журналом. Сюй Яньчжи подошел к ней и тихо спросил:

— Мама, а я обязательно должен идти в школу иностранных языков вместе с Цзян Чжи?

Шу Цин закрыла журнал и взяла его за руку:

— Что такое, А-Янь? Ты не хочешь учиться вместе с ним?

— Я не это имел в виду.

— А что тогда? — она обняла сына.

Сюй Яньчжи молчал. Шу Цин не стала настаивать — она знала, что если её сын не хочет говорить, вытянуть из него слова невозможно.

Из кабинета на втором этаже выглянул Сюй Ифэн:

— Сюй Яньчжи, спускайся. Твоя мама беременна, сколько тебе лет, чтобы тебя всё еще носили на руках?

Сюй Яньчжи осторожно спустился.

— Ифэн, ты можешь нормально разговаривать с ребенком? Ты что, забыл, что сам говорил за столом?

Он имел в виду слова о том, что он будет рад любому ребенку. Но даже самого простого — нормального тона — он так и не продемонстрировал.

— Мама, я пойду в душ, — сказал мальчик.

Шу Цин с тяжелым вздохом проводила его взглядом.

На следующий день учитель фортепиано отменил занятие, и у Сюй Яньчжи выдался свободный вечер. Предупредив маму, он отправился искать Шэнь Тинбая. В беседке он наткнулся на Чу Тяньюаня и Линь Цяо.

— Ласточка, ты чего здесь? — спросил Чу Тяньюань. — Разве у тебя не фортепиано?

— Меня зовут не Ласточка. Учитель не пришел, — ответил Сюй Яньчжи, глядя на Линь Цяо.

Глаза того были красными — видно, только что плакал.

— Что случилось? — спросил Сюй Яньчжи.

— Я... уа-а-а! — Линь Цяо снова разрыдался.

— Не реви. Мужик ты или кто? Ведешь себя как девчонка, — с пренебрежением бросил Чу Тяньюань.

Он объяснил Сюй Яньчжи:

— Его семья переезжает в соседний Ханчжоу, завтра утром поезд.

Линь Цяо завыл:

— У-у-у, я не хочу с вами расставаться!

— Ласточка! — раздался бодрый голос Шэнь Тинбая. Сюй Яньчжи обернулся и увидел, что тот держит в руках коробку.

Шэнь Тинбай подбежал и протянул её Линь Цяо:

— Цяо-Цяо, не плачь. Это тебе.

Линь Цяо всхлипнул и открыл коробку — внутри были аккуратно разложены карточки.

— Я собрал все! Лу Цзюньи, которого тебе не хватало, тоже здесь. А Сун Цзян у тебя уже есть, так что его не дам.

— Уа-а-а, Бай, ты лучший! — Линь Цяо обнял Шэнь Тинбая и зарыдал еще сильнее.

После того как Линь Цяо ушел, всем стало не по себе. Особенно Чу Тяньюаню: он был расстроен из-за отъезда друга и зол на Шэнь Тинбая за то, что тот отдал всю коллекцию.

— Шэнь Тинбай, а где мой Линь Чун? Почему ты не отдал его мне!

Шэнь Тинбай почесал щеку и неловко ответил:

— Хе-хе, Линь Чун был всего один, извини уж. Пошли, куплю тебе мороженое.

Он первым прибежал к лавке, взял два последних рожка «Факел», сунул один Сюй Яньчжи, а подоспевшему Чу Тяньюаню сказал:

— Тяньюань, бери сам, что осталось.

Чу Тяньюань увидел, что «Факелов» больше нет. Шэнь Тинбай быстро спрятал свой рожок за спину и хитро улыбнулся.

— Ах ты! — Чу Тяньюань не смог отобрать мороженое и, обернувшись, увидел, что Сюй Яньчжи стоит в стороне с нераспечатанным рожком. Он, не говоря ни слова, выхватил из холодильника клубничное мороженое, сунул его Сюй Яньчжи, а его рожок забрал и был таков.

— Чу Тяньюань! А ну вернись! — рявкнул Шэнь Тинбай, но того и след простыл.

Шэнь Тинбай посмотрел на Сюй Яньчжи, вздохнул, заплатил за мороженое и потащил его прочь.

— Тебе нравится этот вкус? — спросил он.

Сюй Яньчжи покачал головой.

— Что значит «качаю головой»? Не нравится — так и скажи.

Шэнь Тинбай поменялся с ним мороженым, но Сюй Яньчжи снова вернул его обратно.

— Ты чего? Ты же сказал, что не любишь?

— Ты любишь «Факел», — Сюй Яньчжи вскрыл упаковку и откусил кусочек — насыщенный клубничный вкус.

Шэнь Тинбай посмотрел на него и снова вздохнул: «Безнадежный ребенок».

Они шли рядом, поедая мороженое. Вдруг Сюй Яньчжи спросил:

— Бай, в какую школу ты идешь?

— Наверное, в первую начальную школу Цзяндун, — пробормотал Шэнь Тинбай.

— Раньше дядя Шэнь говорил, что хочет отправить тебя в первую школу Нинчэна, не пойдешь?

— Не хочу, слишком далеко. Цзяндун рядом, десять минут пешком, домой удобно бегать.

— Понятно.

Шэнь Тинбай посмотрел на него:

— Что такое? Я же только в следующем году иду.

— Ничего.

Сюй Яньчжи опустил голову, глядя на белое мороженое — на его лице не было ни единой эмоции.

Шэнь Тинбай придвинулся и похлопал его по плечу:

— Хе-хе, хочешь со мной?

— Угу, — Сюй Яньчжи серьезно кивнул.

— Тогда иди в Цзяндун, я приду на следующий год, — Шэнь Тинбай уверенно взмахнул рукой.

Сюй Яньчжи опустил голову и закусил губу.

Шэнь Тинбай заглянул ему в лицо:

— А?

Сюй Яньчжи снова покачал головой и замолчал.

— Эх, — вздохнул Шэнь Тинбай, — маленький глупыш.

Через пару секунд Сюй Яньчжи тихо проговорил:

— Они хотят, чтобы я пошел в школу иностранных языков вместе с Цзян Чжи.

— А ты не хочешь? — Шэнь Тинбай лизнул подтаивающий «Факел».

Сюй Яньчжи покачал головой:

— Я хочу учиться с тобой.

— О, а дядя Сюй согласен?

Сюй Яньчжи снова замолчал.

— Ласточка, если не нравится — говори, не хочешь — не делай, — серьезно сказал Шэнь Тинбай. — Мой папа говорит, что если ребенок постоянно качает головой, то станет глупым.

Сюй Яньчжи кивнул.

<http://bllate.org/book/19378/1894987>